

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 142–151.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):142–151.

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09«19»

DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.014

Восточная и «московская» мудрость понимания жизненных ценностей в повести М. М. Пришвина «Жень-шень»

Кирилл Валерьевич Санатов

Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, Россия; Государственный университет просвещения, Москва, Россия
kirill.sanatov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию осознания жизненных ценностей персонажами повести М. М. Пришвина «Жень-шень». Актуальность исследования обусловлена недостаточной освещенностью в пришивноведении философских вопросов об установлении связей между индивидом и окружающим миром в повести «Жень-шень». Цель статьи — обозначить «московский» и восточный пути постижения истины, соединившиеся в поиске главным героем заветного Жень-шеня и обретении счастья. Научная новизна статьи связана с уточнением соотношения западных и восточных представлений в духовных исканиях главного героя произведения и проведением параллелей между жизненными процессами у людей, животных и растений в контексте пришивновского произведения. «Московская» мудрость как особый жизненный опыт западного человека выделена в повести, исходя из восприятия главного героя Лувеном и другими китайскими оленеводами.

Выявляются и анализируются нравственные категории смирения, стойкости, труда, искупления, любви, составляющие основу выраженного в повести понимания ценностей народами Запада и Востока. Делается вывод, что Пришвин в повести заостряет вопрос об универсальных жизненных ценностях, обретение которых человеком происходит в процессе познания тайн природного мира и социальных катаклизмов, и это взаимодействие по существу не может быть завершенным. Результаты исследования могут быть использованы при детальном изучении повести «Жень-шень» и других произведений Пришвина, а также в педагогической деятельности.

Ключевые слова: Восток, Жень-шень, жизненные ценности, искупление, любовь, «московская» мудрость, М. М. Пришвин, смирение, стойкость, путь познания истины.

Для цитирования: Санатов К. В. Восточная и «московская» мудрость понимания жизненных ценностей в повести М. М. Пришвина «Жень-шень» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 142–151. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.014.

Original article

The Eastern and Moscow systems of life values in M. M. Prishvin's novel *Ginseng*

Kirill V. Sanatov

State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russia;
Federal State University of Education, Moscow, Russia
kirill.sanatov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the awareness of life values by the characters in M. M. Prishvin's short novel *Ginseng*. The relevance of this research is due to the lack of coverage of Darwinian studies on philosophical issues related to establishing connections between individuals and the outside world, as illustrated in the tale of *Ginseng*. The purpose of this article is to emphasize 'Moscow' and 'Eastern' approaches to

understanding the truth, which are combined in pursuit of the main character's cherished wife and happiness. The novelty of the article relates to clarifying the relationship between Western and Eastern concepts in the spiritual quest of the main character's work and the parallels between human, animal and plant life processes in the context of Prishvinsky's works. The 'Moscow' wisdom, as a special life experience of Western people, is highlighted in the story based on the perceptions of the main characters by Louvain and other Chinese reindeer herders.

The conclusion states that in this story Prishvin focused on the issue of universal life values, which a person acquires through learning the secrets of nature and social upheavals, and this interaction can't be completed in its essence. The results of the research can be used in a detailed study of *Ginseng*, as well as other works by Prishvin and in teaching activities.

Keywords: East, ginseng, life values, redemption, love, M. M. Prishvin, *Moscow* wisdom, humility, perseverance, the path to the truth.

For citation: Sanatov K. V. The Eastern and Moscow systems of life values in M. M. Prishvin's novel *Ginseng*. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):142–151. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.014.

Введение

Данная статья посвящена рассмотрению понимания жизненных ценностей персонажами повести М. М. Пришвина «Жень-шень» с точки зрения западного и восточного менталитета. В повести важное место занимает тема взаимодействия человека с растениями, животными, скалами, камнем, океанским пульсом, а также отношения людей разных культур к природе и мирозданию. Вскоре после написания автор определял повесть как свое ключевое произведение. Подтверждением этому служат слова, приведенные в «Дневниках» писателя от 1 декабря 1933 года: «Мне удалось в этом году написать вещь, “Корень жизни”, которая сама по себе лучше других моих вещей» [Пришвин, 1986, с. 256].

Вдохновение для создания повести Пришвин почерпнул во время путешествия по Приморскому краю, которое предпринял в 1931 году. Эта поездка, совершенная в период потери душевной гармонии, стала для Пришвина исцелением и обозначила новый этап в его личной и творческой жизни. У писателя было неоднозначное отношение к советской власти, он не сразу принял Октябрьскую революцию. В «Дневниках» Пришвина находим запись от 15 марта 1917 года: «Пламя пожара России так велико, что свет его, как солнца свет утреннюю луну закрывает...» [Пришвин, 1986, с. 108]. Поездка на Дальний Восток дала литератору возможность узнать другую жизнь и представителей иной культуры, соотнести достоинства людей, принадлежавших к разным укладам, что позволило ему размышлять в своих произведениях о глубоких корнях различной и в чем-то родственной мудрости всех народов: «Культура — это связь людей в пространстве и времени» [Там же, с. 241]. Именно в повести «Жень-шень» в наиболее полной мере нашла воплощение эта концепция.

Объектом нашего анализа является духовный путь центрального персонажа пришвинского произведения, его взаимодействие с китайцем Лувеном и другими коренными жителями Маньчжурии, а также осознание главным героем единения с мирозданием через «родственное внимание» к естественно-природным и духовным человеческим реалиям. Подобная тема является актуальной в свете более глубокого изучения творчества Пришвина в целом и указанной повести в частности, так как позволяет понять писателя не только как этнографа и выразителя красоты природы, но и как автора, поднимавшего важные философские вопросы бытия и места человека в мире.

В советском литературоведении Пришвин традиционно долгое время рассматривался именно как певец природы и бытописатель. При этом еще в 1922 году Р. В. Иванов-Разумник отмечал в сочинениях Пришвина стремление выразить единение человека и окружающего мира: «Перед нами всюду — тонко чувствующий, чуткий, субъективнейший художник, ищущий... у природы ответа на вековечные вопросы духа» [Иванов-Разумник, 2007, с. 13].

При жизни Пришвина вышло немного посвященных его творчеству подробных исследований. Среди научно-популярных работ выделяется книга Н. П. Смирнова «Михаил Пришвин: Очерк жизни и творчества», которая увидела свет в 1953 году. Более основательно творческое наследие писателя было изучено литературоведами в 1960–1970-е годы. Среди них отметим работы С. Б. Зархин, Г. А. Ершова, И. П. Мотяшова, М. Ф. Пахомовой, Т. И. Хмельницкой, Л. М. Шаталовой и др. Сочинения Пришвина рассматривались тогда в русле соцреалистического направле-

ния, однако несомненный интерес до сих пор представляют разборы конкретных произведений писателя. В частности, С. Б. Зархин, говоря о повести «Жень-шень», называет ее «глубоким лирико-философским раздумьем о жизни, любви, назначении человека» и отмечает согласованность повести «с идеями... социалистической эпохи» [Зархин, 1960, с. 19].

В 1980-е годы советские литературоведы более подробно исследовали тему взаимовлияния человека и природы в творчестве Пришвина, в том числе в повести «Жень-шень», рассмотрели связи пришвинской прозы с устным народным творчеством. Среди работ данного периода следует отметить исследования П. С. Выходцева, И. А. Зотова, В. Д. Пришвиной, Н. А. Рыбаченко. В свою очередь, в 1990–2000-е годы в поле зрения литературоведов все чаще попадали мифопоэтические элементы в пришвинской прозе 1920–1940-х годов. К работам такого плана следует отнести исследования Э. А. Бальбурова, Н. В. Борисовой, О. А. Ковыршиной, И. Г. Новоселовой, В. В. Плеханова, А. М. Подоксенова, Л. Е. Тагильцевой, Г. А. Токаревой. Также именно в 1990-е годы более четко обозначается связь произведений писателя с христианскими идеями. В частности, Г. П. Климова, анализируя повесть «Жень-шень», отмечала: «Выпадение человека из триединства Бог — природа — человек приводит его к неизбежному разъединению с космической целостностью бытия...» [Климова, 1993, с. 38].

Заметим, что в работах 2000-х годов шла речь об одушевлении неживой природы в пришвинской повести и о понимании главным героем ценности жизни путем приобщения к бытию Вселенной. В частности, эту мысль развивала О. А. Ковыршина: «Вселенная для пришвинского героя — это живой организм, где все пронизано живородной связью» [Ковыршина, 2005, с. 15]. Изображение Востока и особенности построения повествования в пришвинском произведении исследовал К. Ш. Кязимов. Он определял «Жень-шень» как психологическую поэму в прозе и указывал, что повествование ведется «от имени “я” “постороннего” объективизированного героя» [Кязимов, 2000, с. 15].

Повесть «Жень-шень» не выпадала из поля зрения исследователей 2010–2020-х годов. Литературоведы уделяли внимание фольклорным мотивам в творчестве писателя (Т. Г. Фирсова, З. Я. Холодова), проводили параллели с христианским вероучением (Р. Г. Круглов, Ю. В. Лебедев), исследовали мотив странствий в пришвинском произведении (Н. И. Лишова), философско-этическую сторону содержания повести и мотив красоты, которая служит объединяющим «растительный, животный и человеческий миры» фактором [цит. по: Денисова, 2015, с. 16–17].

Н. А. Трубицина выделила «мифологическую составляющую» образа Жень-шеня и отметила, что это «не просто часть растительного мира Дальнего Востока, но и важнейшая часть его древней культуры» [Трубицина, 2011, с. 79]. К анализу восточных мифологических элементов в сочинениях Пришвина обращается также Н. Н. Иванов, который характеризует главного героя повести «Жень-шень» как человека, воспитанного другой культурой, а китайца Лувена — как заимствованного из фольклора «учителя, знахаря, колдуна» [Иванов, 2022, с. 143]. Разбирая значение идеологем в повести, исследователь подчеркивает, что Пришвин «подразумевал узнавание в природе сущности человека» [Там же, с. 146].

Е. Кнорре, анализируя природные образы-метафоры в повести, приходит к выводу, что и рассказчик, и Лувен, чьи души изранены насилием и жестокостью, получают исцеление путем «связи своего “я” с “другим”» [Кнорре, 2023, с. 68]. Е. А. Худенко находит в повести Пришвина неоромантические элементы, которые являются антитезой «тому, что происходит в настоящем», а Лувена исследователь называет тем, кто посвящает главного героя «в тайны “корня” жизни, в глубины познания сущности бытия» [Худенко, 2023, с. 9, 12].

Таким образом, повесть «Жень-шень», будучи одним из ключевых произведений М. М. Пришвина, оценивалась советскими и российскими литературоведами как глубоко лиричное творение, при этом исследователи заостряли внимание не на внешнем сюжете, а на мыслях и чувствах главного героя. Кроме того, в более поздних работах большое внимание уделялось анализу изображения в повести западного и восточного менталитета в плане отношения к природе. В частности, подчеркивалось, что главный герой «выступает в роли носителя западной культуры», в то время как его напарник Лувен предстает как средоточие представлений писателя «о специфике восточного образа жизни» [цит. по: Трубицина, 2011, с. 82].

В данной статье анализируется «московский» путь постижения героем повести истины в сочетании с восточной мудростью. Термин «московская мудрость» выведен на основании восприятия человека из Москвы Лувеном и другими китайскими оленеводами. Мудрым этого

человека в глазах местных жителей делают присущие ему аналитические способности: по собственному признанию, герой может «сделать химический анализ любого вещества по качеству» [Пришвин, 1983, с. 40]. В то же время у восточных людей, по словам повествователя, не развиты эти навыки — в их среде преобладает интуитивный способ познания. В дополнение к вышесказанному отметим, что Лувен видел в своем госте «светлого европейца» [Там же, с. 24]. Именно так народы Востока воспринимают западных переселенцев, которые приходят не с колонизаторскими намерениями, а с целью обучить чему-либо коренных жителей и, в свою очередь, постичь чужую мудрость. Исходя из этого, цель статьи заключается в проведении параллелей между восточным и «московским» пониманием жизненных ценностей персонажами пришевской повести и ответе на вопрос о том, как именно в судьбе главного героя соединены две мудрости на пути к обретению истинно достойной человека деятельности.

Гипотеза статьи основана на утверждении, что духовный рост рассказчика сопряжен с осознанием общечеловеческой мудрости через синтез восточного и западного («московского») представления о роли человека в мире и его взаимодействии со всеми живыми существами на Земле. В повести «Жень-шень», таким образом, выражено понимание писателем универсального пути культуры, объединяющего представителей разных народов и цивилизаций.

Практическая значимость данной статьи определяется тем, что она предоставляет возможность более детального изучения повести «Жень-шень» и других произведений М. М. Пришвина, их интерпретаций, обретающих с каждым десятилетием в истории России и всего мира новую актуальность; и, кажется, современные мировые события участвуют в порождении новых смыслов и идей, осознанных или интуитивно предугаданных автором.

Основная часть

В начале повести безымянный герой, от лица которого ведется рассказ, предстает человеком, ищущим спасения после разрушительной стихии жестокой, смертоносной Русско-японской войны 1904–1905 годов. С этого момента он направляется в Маньчжурию и попадает в дальневосточный мир неизведанной природы, определяя его как «построенный рай» [Пришвин, 1983, с. 7]. По словам рассказчика, животные во время военных действий спасались в тех краях «от грохота человеческих пушек в 1904 году» [Там же, с. 6]. Герой повести повторяет этот путь, что можно трактовать как его первый шаг к постижению истины и поискам «корня жизни». Метафорическим рубежом, который он преодолевает, становится надпись, начертанная на коре пробкового дерева: «Твоя ходи нельзя, чики-чики будет!» [Там же, с. 8]. Этот запрет ему разрешает нарушить китаец Лувен, поскольку не видит опасности в «госте», который не утратил скромности, вежливости, душевной чуткости и потому получил доступ на заповедную территорию, где будет искать «корень жизни».

Встреча с оленьим стадом у водопада в конце первой главы повести знаменует начальное соприкосновение человека из Москвы с тайной непознанного мира. Олениха Хуа-лу не отводит глаз, встретившись взглядом с человеком, пока не распознает в нем опасность. Не случайно заостряется внимание на дырочке в ухе молодой самки оленя — следе от пули, выпущенной охотником. Этот след — знак того, что человек оставил здесь отпечаток охотничьей страсти. Дорога героя к Жень-шеню идет параллельно его пути по приручению Хуа-лу и других оленей.

Следующая встреча героя повести с Хуа-лу, наблюдаемая во второй главе, становится поворотной. В его душе происходит борьба между стремлением схватить «ланку» (так герой Пришвина называет молодую самку оленя) за копытца, то есть поддаться инстинкту охотника и совершить акт «присвоения», и желанием не нарушать гармонии, то есть оставить «нетронутым» это мгновение «и так закрепить его в себе навсегда» [Пришвин, 1983, с. 15]. Подобное внутреннее противоборство отражает нравственный выбор героя между хищническим отношением к природе, свойственным ранее тому же Лувену, и той моделью поведения, которой герой Пришвина стал придерживаться позднее. Этот эпизод знаменует начало его духовного перерождения через понимание того, что «мгновенье можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками» [Там же]. Данный голос в своем сердце герой слышит в тот период жизни, когда пребывает в общении с Лувеном.

Сакральность этого момента определяется местом наблюдения за Хуа-лу — в шатре из лиан (точно так же во время первой встречи он видит животных на расстоянии). Герой еще не прошел путь избавления от охотничьего азарта и не достиг такого уровня просветления, чтобы контактиро-

вать с оленихой без опаски с ее стороны, не может «прямо смотреть на солнце» [Пришвин, 1983, с. 13]. Подобная деталь указывает на невозможность для человека, сознание которого ограничено законами развития цивилизации, постичь истину — ему приходится идти к ней окольными путями. Приведем слова Ю. В. Мальцевой. Анализируя пять типов мудрости народов Востока, она пишет о Всеразличающей мудрости надмирного сознания, наделяющей человека «способностью познавать каждую вещь в отдельности и все вещи в их единстве» [Мальцева, 2004, с. 36]. К обретению подобной мудрости будет стремиться центральный персонаж повести «Жень-шень» в дальнейшем.

При этом проявленная героем слабость, когда он едва не поддастся инстинкту охотника при встрече с Хуа-лу, оставила отпечаток на его судьбе. В третьей главе он рассказывает о встрече с женщиной, которая показалась ему воплощением прекрасной «ланки», но не может обрести с ней счастье, так как в нем возобладало по отношению к ней чувство платонической бережности (художника). Поэтому дальнейший путь персонажа можно истолковать как понимание сложности переплетения духовного и телесного существа в человеке. По выражению литературоведа Г. Ли, после этой неудачи герой «пытается сублимировать утрату в усердном труде по проектированию собственного оленеводства» [Ли, 2021а, с. 140].

Таким образом, если понимать вектор развития героя как нравственное восхождение к совершенству, или движение с Запада на Восток и с Востока на Запад, то в качестве способа обретения им жизненных ценностей можно рассматривать работу по приручению оленей, которую он ведет на протяжении более чем десяти лет.

Труд «капитана», как называет русского гостя Лувен, имеет два плана выражения: это физическая работа по проектированию питомника для оленей и духовная деятельность, суть которой сводится к поиску «корня жизни». Приручение животных и обретение Жень-шеня являются неотделимыми друг от друга сторонами деятельности героя. Отметим, что имя «Хуа-лу» означает «олень-цветок», и панты самцов, например Серого Глаза и Черноспинника, своей формой напоминают цветок. В свою очередь, Жень-шень можно определить как растение, укрепляющее и облагораживающее человека. Следовательно, первая встреча с заветным «корнем жизни» в пятой главе становится для героя настолько же сакральной, как и встреча с Хуа-лу. Лувен и другие маньчжуры разглядывают Жень-шень с благоговением, а рассказчик узнает «в этом корне человеческие формы» [Пришвин, 1983, с. 26].

В шестой главе повести встреча героя-рассказчика и Лувена с Жень-шенем в окружении дикой природы тоже изображена как таинство. Спутники говорят о птице, которая охраняет корень жизни, а сам Жень-шень, если отвести от него глаза, может в один миг превратиться «в какое-нибудь другое растение или животное» [Пришвин, 1983, с. 33]. Еще одним подтверждением духовной сущности поисков Жень-шеня является остановка центрального персонажа и Лувена на берегу неизвестного ручья, когда они в молчании слушают голоса природы, то есть совершают своеобразную подготовку, обретая «в себе равновесие для свободной и спокойной мысли» [Там же, с. 32]. Лувен и повторяющий в этот момент его действия главный герой становятся на колени перед тем, как увидеть в траве Жень-шень. Это необходимо, чтобы рассмотреть растение вблизи, но отчасти данное действие имеет значение поклонения святыне.

В финале шестой главы выражено понимание протагонистом смиренного долготерпения как основополагающей ценности для человека, так как корень жизни нельзя выкопать из почвы раньше предназначенного срока. Его созревание параллельно духовному росту индивида, что подтверждается, в частности, внешним сходством корня растения с человеческим телом, а его листьев — с ладонями. Немного ранее, в шестой главе, герой понимает, что не мог обрести счастье, если бы поймал Хуа-лу силой: «До чего же я в то время был наивен и прост! Я был уверен тогда, что, схвати я свою невесту, как оленя, — и все: и вопрос о корне жизни решен» [Пришвин, 1983, с. 23]. Из этого можно заключить, что обретение истины — всегда медленный процесс, предполагающий напряжение всех физических, умственных и душевных сил. И животные, и сам корень жизни подчиняются тайным законам природы, а человек, у которого «Арсея» — это Москва (Арсея при знакомстве с гостем из Москвы Лувен называет Россию), готовится к встрече с сакральным для восточных жителей растением с чистой совестью.

Идея о смирении как основе духовного роста является основополагающей концепцией не только восточной, но и западной культуры. Вспомним, что христианское вероучение в различных его трактовках всегда предполагает подчинение своего духовного и душевного состава воле Творца. Не случайно в произведении встречаются аллюзии на библейские сюжеты. «Оледенение

субтропической зоны» [Пришвин, 1983, с. 6], упоминаемое в начале повести, вызывает ассоциации с ветхозаветным Всемирным потопом, а также с продвижением в древности ледника, который затронул в том числе территорию современной Европы. Маньчжурский лес и Певчая долина ассоциируются с Эдемом, так как воплощают мир девственной природы. Отсылкой к запретному плоду становятся Туманная гора, одна из падей которой называется Запретной, а также сам корень жизни, который нельзя выкапывать, пока не придет время. Эпизод с Хуа-лу, которую герой должен приручить, а не подчинить воле охотника, становится отсылкой к мысленному нарушению человеком запрета, то есть греховному выпадению из обетованного рая.

Как уже отмечалось выше, герой повести Пришвина преодолевает свое несовершенство трудом, который преподносится автором как путь любви. Исходя из этого, отметим, что в нем отражен христианский путь к спасению через искупление страданием и признание индивидом своего несовершенства перед лицом Создателя, а также внутренняя работа, которую человек ведет всю жизнь. Это становится еще одной важнейшей ценностью, объединяющей мудрость «московскую» и восточную. Данная сторона художественного содержания произведения была отчасти интерпретирована исследователями творчества М. М. Пришвина. В частности, Н. А. Трубицина отмечала, что Пришвин — поликультурный автор, а также «писатель-философ... всю жизнь стремившийся отыскать для себя те самые неоспоримые общечеловеческие ценности, главная из которых — любовь...» [Трубицина, 2019, с. 417]. Подобную идею о вневременной ценности любви для Пришвина можно найти и в других его произведениях. Так, Л. Ф. Алексеева, анализируя более позднее произведение Пришвина «Повесть нашего времени» (1944), отметила: «В пространстве Дневника, из которого отчасти родилась повесть, звучит мысль о любви действенной, не зашоренной ревностью и завистью» [Алексеева, 2023, с. 14].

Любовь как медленный путь созидания в противовес азарту охотника как быстрому пути разрушения истинных ценностей показана в главах 7–15 повести «Жень-шень». После утраты пришвинским героем счастья с прекрасной женщиной вся его дальнейшая деятельность направлена на восстановление потерянной гармонии с миром. Его работа по возведению питомника для оленей — это возвращение утраченного равновесия, то есть преобразование природы (с точки зрения москвича-рассказчика — гуманное), и целью этой работы становится обретение «лекарства». Лувен называет панты оленя и деньги, вырученные за «гуманно» спиленные рога, *лекарством* и радуется, когда герой излагает ему свой план, согласно которому они будут «добывать постоянно много *лекарства*» (курсив оригинала. — К. С.) [Пришвин, 1983, с. 39].

Сам Лувен тоже проходит свой путь искупления индивидуальной гордыни. Из вербальных и невербальных бесед со стариком герой-рассказчик узнал, что в молодости Лувен «вместе с китайцами-звероловами ловил оленей, изюбров и коз ужасной китайской лудевой» [Пришвин, 1983, с. 40] (лудевой называется забор, преграждающий оленям путь к водопою и предназначенный для их поимки), но впоследствии отверг жестокое убийство животных, получив известие о смерти отца и брата; тогда «и доказывать было некому, и презирать было тоже некого...» [Там же, с. 41]. Путь любви даровал Лувену способность «все на свете *оживлять*» (курсив оригинала. — К. С.) [Там же, с. 40]. Этот талант главный герой считает такой формой познания, с которой не сравнится научное постижение окружающего мира.

Через некоторое время Лувен и другие маньчжуры называют русского гостя капитаном. Это прозвище дается ему не случайно: рассказчик признает Лувена старшим, видя в нем хранителя традиций и «истинной человеческой культуры» [Пришвин, 1983, с. 43], в свою очередь Лувен обнаружил в своем молодом друге новатора, который несет знание просвещенного европейца: умеет планировать, рационально взвешивать, считать, изобретать методы и приемы. Следование традициям — один из важных принципов восточного уклада жизни, в то время как знание, полученное опытным путем, постепенно стало неотъемлемой частью западного (в случае пришвинского героя — московского) менталитета, тоже своего рода традицией. В деле приручения животных герой-рассказчик соединяет два подхода: учитывая исторические знания, он почти возвращает современность к истокам человеческой цивилизации. Не зря он говорит, что люди в доисторические времена занимались приручением диких зверей, а затем «почему-то забросили» этот способ «и продолжали с домашними жить по рутине, а диких стрелять» [Там же].

Таким образом, на пути пришвинского героя в его поиске корня жизни соединяются восточная и западная («московская») мудрость. Восточное мировосприятие характерно для Лувена, которого главный герой уважал не столько за навыки следопыта и охотника, сколько за умение

по-родственному относиться «ко всякому существу в природе» [Пришвин, 1983, с. 40]. Явленная в его лице восточная мудрость заключалась в постижении мира с помощью интуиции: «...ни о каких примерах он не думал, а так все само из него выходило» [Там же, с. 42]. «Московская» мудрость главного героя состояла в его способности рационально выстраивать свою деятельность, благодаря чему он и стал для Лувена и его земляков «капитаном». Можно бы сказать, что главная ценность для строителей питомника — не деньги, а духовное знание, но это, как косвенно выразил автор, вступивший в конфронтацию со своим персонажем, далеко не так.

Воплощением плана пришвинского героя становятся построенный на мысе Орлиное Гнездо питомник для оленей, что позволило спасти многих животных от суровой зимы, а также спроектированный им панторезный станок. Описание цивилизаторского станка в главе 13, однако, завершается «странным» уточнением: «...на спине сидит один человек, а другой срезает радость жизни — панты, и это все равно, что на глазах матери убивать дитя...» [Пришвин, 1983, с. 64].

Жизнь протагониста в повести Пришвина соотносится с законами природного мира. События, описанные в главах 9–15, представлены в виде годового цикла. Автор подчеркивает здесь, что смирение, сопряженное с жизненной стойкостью, позволяет человеку подняться на высоту, с которой он увидит возжеланный корень жизни. Стойкость к неудачам и трудностям демонстрирует не только человек, но и природа. Метафорой стойкости становится изображенный в тринадцатой главе срез пантов у Серого Глаза, который вызывает восхищение главного героя: «...в таком положении Серый Глаз не только не крикнул, но и глазом не повел, и я, видя пример властителя оленей, сохраняю для себя это как идеал...» [Пришвин, 1983, с. 64]. Такую же стойкость являет и Жень-шень, когда замирает на время после того, как его задевает изюбр, но затем, претерпев упадок, возобновляет рост. Пришвинский герой своим поведением также демонстрирует твердость духа перед ударами судьбы, когда Хуа-лу пробивает ограду и олени сбегают. На помощь герою приходит вера, которая отражается в его мыслях в предрассветный час, когда он встречал восход и вспоминал, что корень жизни созревает постепенно.

При этом истинную веру, по мысли повествователя, нельзя путать с суеверием: «Так вот с отдаленнейших времен нарастает на человеке эта защитная рубашка суеверия...» [Пришвин, 1983, с. 66]. И жизнь вознаграждает протагониста, когда Хуа-лу возвращается в его питомник. Герой подчеркивает, что на этом этапе он мог утратить веру и сломаться, подобно тому, как Жень-шень мог погибнуть под копытом изюбра, но тяга к жизни и господству над природой в широком смысле взяла верх. Параллель между творческим началом и жизнью проводит исследователь произведений Пришвина Г. Ли, высказывая мысль о том, что корень — «это жизненная сила и творческая сила для героя» [Ли, 2021б, с. 88]. В пятнадцатой главе повести «Жень-шень» также можно наблюдать пример стойкости, которую демонстрируют растения. Так, покрытая узелками пиния устояла перед ударами тайфунов, и каждый ее узелок «держал победоносную веточку с длинными темно-зелеными хвоинками» [Там же, с. 70].

Принятие трудностей, посланных человеку Творцом, и соблюдение заповедей Бога являются христианскими добродетелями, которые соотносятся с концепциями основных восточных религий. Г. М. Рыльский, определяя краеугольные положения философии даосизма, пишет, что поведение индивида «должно согласовываться с природой человека и вселенной» [Рыльский, 2023, с. 80], то есть необходимо следовать предначертанному свыше пути, поступая благочестиво. В итоге именно стойкость в сочетании с верой наделяет человека, преодолевшего испытания, правом получить желаемое и обрести счастье.

Еще одним важным мотивом, определяющим сложную позицию автора и приближенного к нему, но все же объективированного главного героя, является очищение через страдание и одновременно новая вина — жажда обладания завоеванным «лекарством». В повести Пришвина именно перенесенные рассказчиком лишения формируют и вновь искажают его «гуманное» мировоззрение. Ярким примером становится описанный в девятой главе гон пятнистых оленей, когда они купаются в грязи, «успокаивая насколько возможно свою мучительную страсть» [Пришвин, 1983, с. 46]. Мотив страдания и смерти по-новому освещен в описании поединков между Черноспинником и Серым Глазом в главах 9 и 15. Натуралистичное изображение борьбы оленей-соперников, казалось бы, призвано подчеркнуть, что смерть в природе является неотъемлемой частью жизни, ведь гон оленей — часть природного процесса, способствующего продолжению рода, то есть жизнь и смерть в природе взаимосвязаны и сменяют друг друга, подобно

временам года. Став частью природного мира, хозяин оленьего стада чувствует острую боль в тот же период, когда начинается гон у животных, сравнивая свое одиночество с состоянием оленя во время осеннего гона: «...в глубине меня начиналась острая боль, и такая, что вот бы немного еще, и я, как олень, подниму голову вверх и зареву» [Пришвин, 1983, с. 70]. Второе противоборство самцов заканчивается гибелью обоих, и герой видит, как сильнейший от природы Серый Глаз был «гуманно» лишен изобретателями панторезного станка рогов. Рассказчик отводит взгляд от кровавой сцены и с равнодушным удовлетворением мысленно произносит фразу: «И все эти олени были теперь мои» [Там же, с. 74].

Лишь по истечении десяти лет пришвинский герой переживает второе рождение, когда находит утраченную любовь в другой женщине, и путь к заветному растению оказывается для него открытым. Единство жизни и смерти как перенесенного страдания и искупления подчеркивается тем, что о Жень-шене центральный персонаж вспоминает, когда приходит навестить могилу Лувена, в то время как обретение корня жизни сопутствует рождению новой любви. Характерно, что тема любви в повести напрямую соотносится с мотивами покаяния и принятия реальности, что в христианском вероучении является основой спасения души. Это подтверждается мыслями центрального персонажа в шестнадцатой главе: «...вы постепенно и бессознательно начинаете как будто кому-то прощать, становится очень легко на душе...» [Пришвин, 1983, с. 74].

Заключение

Таким образом, духовный рост главного героя в повести М. М. Пришвина «Жень-шень» происходит в сопровождении синтеза восточной и «московской» мудрости и воплощает универсально сложный, отнюдь не только позитивный процесс познания истины. В финальной главе он обретает восточный корень жизни через христианскую любовь к ближнему, свидетельством тому становятся его размышления: «Да, мне кажется, в этом и есть творческая сила корня жизни, чтобы выйти из себя и самому раскрыться в другом» [Пришвин, 1983, с. 77]. Творчество Пришвина сконцентрировано, как пишет литературовед М. Т. Наср, «на чувстве любви ко всему живому, утверждает общечеловеческие ценности» [Наср, 2020, с. 177].

В рассматриваемой нами повести одними из главных ценностей становятся путь познания и смирение как подчинение законам природным и божественным. Не случайно в финальной главе пришвинский герой находит корень жизни инстинктивно, хотя метки, оставленные Лувеном, давно исчезли. Дорогу к заветному растению ему подсказывает сама природа голосами «лесных музыкантов» (так пришвинский герой называет лесных птиц), его путь на этом этапе завершается после прохождения полного цикла. Успеха персонаж добивается благодаря искупительному труду, который воплощает и христианский путь искупления грехов, и восточный путь обретения гармонии с окружающим миром в достижении высшей степени просветления. Главной ценностью жизни в повести представляется любовь, которая объединяет всех живых существ и становится воплощением универсального пути человечества независимо от культурной или религиозной принадлежности индивида. Истинной любви и способности прощать человек на примере героя пришвинской повести учится через стойкость и принятие страдания как predetermined природой и Творцом пути к очищению души. При этом данный процесс происходит на протяжении всей жизни, так как человек всегда подвержен искушению. Это подтверждается в заключительной главе мыслями героя-рассказчика о том, что прошлое возвращается к нему и он сбрасывает «с себя все созданное, как олень свои рога» [Пришвин, 1983, с. 78]. Таким образом, человек проходит путь познания и открытия жизненных ценностей многократно, а новые достижения возвращают его к прежним искушениям: не желая вредить природе, он все-таки несет ей не только добро, и, обладая разумом, вторгается в тайны бытия довольно самонадеянно, как имеющий право решать человеческие проблемы за счет нарушения естественных законов природы.

Список источников

1. Алексеева Л. Ф. Противостояние идей, характеры и судьбы мужчин и женщин в «Повести нашего времени» (1944) М. М. Пришвина // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». — 2023. — № 1. — С. 8–18.
2. Денисова О. Н. Метафизика любви в дневниковом и художественном дискурсе М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Елец, 2015. — 21 с.

3. Иванов Н. Н. Культурный мифопоэтический код Востока в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень // Мир русскоговорящих стран. — 2022. — № 3 (13). — С. 139–150.
4. Иванов-Разумник Р. В. Творчество и критика. — Мюнхен : ImWerdenVerlag, 2007. — 158 с.
5. Зархин С. Б. Михаил Михайлович Пришвин. — Липецк : Липец. кн. изд-во, 1960. — 24 с.
6. Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02. — М., 1993. — 51 с.
7. Ковыршина О. А. Диалектика времени и вечности в художественном сознании Михаила Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Елец, 2005. — 22 с.
8. Кнорре Е. «В глубину торжественных и тихих лесов»: лес как пространство спасения в послевоенном творчестве М. М. Пришвина и К. Г. Паустовского // Русская словесность. — 2023. — № 3. — С. 63–75.
9. Кязимов К. Ш. Восток в творчестве Михаила Михайловича Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. — Ленкорань, 2000. — 30 с.
10. Ли Г. Геокультурный образ Маньчжурии в повести М. Пришвина «Жень-шень» // *Litera*. — 2021a. — № 4. — С. 135–144.
11. Ли Г. Интертекстуальная связь романа Б. Акунина «*Vremena goda*» с повестью М. Пришвина «Жень-шень» // Мир русскоговорящих стран. — 2021b. — № 3 (9). — С. 82–90.
12. Мальцева Ю. В. Типология мудрости в восточной и западной культуре // Аналитика культурологии. — 2004. — № 2. — С. 36–40.
13. Наср М. Т. Образы русской природы в эволюции художественной философии Михаила Пришвина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2020. — № 3. — С. 172–181.
14. Пришвин М. М. Собрание сочинений : в 8 т. — М. : Худож. лит., 1982-. — Т. 4 : Произведения 1932–1944 гг. — 1983. — 734 с. ; Т. 8 : Дневники 1905–1954. — 1986. — 759 с.
15. Рьльский Г. М. Человек в восточной философии // Научное и техническое творчество молодежи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 4 ч. / под ред. А. В. Ефимова, Т. И. Монастырской. — Новосибирск : СибГУТИ, 2023. — Ч. 4. — С. 79–83.
16. Трубицина Н. А. Культурный неомиф Михаила Пришвина (на материале повести «Жень-шень») // *Philologos*. — 2011. — № 2 (9). — С. 78–89.
17. Трубицина Н. А. Творческое наследие М. М. Пришвина в поликультурном пространстве страны и региона // Развитие креативности личности в современном мультикультурном пространстве : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М. В. Климовой, В. А. Мальцевой. — Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2019. — С. 416–419.
18. Худенко Е. А. М. Пришвин и А. Хейдок: диалог о Маньчжурии, человеке и истине («Жень-шень» и «Звезды Маньчжурии») // Культура и текст. — 2023. — № 2 (53). — С. 6–17.

References

1. Alekseeva L. F. The confrontation of ideas, characters, and fates of men and women in M. M. Prishvin's "The Tale of Our Time" (1944). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Russkaya filologiya"* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. "Russian Philology"]. 2023, iss. 1, pp. 8–18. (In Russian)
2. Denisova O. N. *Metafizika lyubvi v dnevnikovom i khudozhestvennom diskurse M. M. Prishvina* [Metaphysics of Love in M. M. Prishvin's Diary and Fiction]: abstract of diss. ... of candidate of philology: 10.01.01. Yelets, 2015, 21 p. (In Russian)
3. Ivanov N. N. The cultural mythopoeic code of the East in M. Prishvin's works: the Russian Root of Life, Ginseng. *Mir russkogovoryashchikh stran* [The World of Russian-Speaking Countries]. 2022, iss. 3 (13), pp. 139–150. (In Russian)
4. Ivanov-Razumnik R. V. *Tvorchestvo i kritika* [Works and Criticism]. Munich, ImWerdenVerlag, 2007, 158 p. (In Russian)
5. Zarhin S. B. *Mikhail Mikhailovich Prishvin*. Lipetsk, Lipetsk Book Publ., 1960, 24 p. (In Russian)
6. Klimova G. P. *Tvorchestvo I. A. Bunina i M. M. Prishvina v kontekste khristianskoy kultury* [The Works of I. A. Bunin and M. M. Prishvin in the context of Christian culture]: abstract of diss. ... of doctor of philology: 10.01.02. Moscow, 1993, 51 p. (In Russian)
7. Kovyreshina O. A. *Dialektika vremeni i vechnosti v khudozhestvennom soznanii Mikhaila Prishvina* [Dialectics of time and eternity in the artistic consciousness of Mikhail Prishvin]: abstract of diss. ... of candidate of philology: 10.01.01. Yelets, 2005, 22 p. (In Russian)
8. Knorre E. "Into the depths of solemn and quiet forests": The forest as room for salvation in the post-war works of M. M. Prishvin and K. G. Paustovsky. *Russkaya Slovesnost* [Russian Literature]. 2023, iss. 3, pp. 63–75. (In Russian)
9. Kyazimov K. Sh. *Vostok v tvorchestve Mikhaila Mikhaylovicha Prishvina* [The East in Mikhail Mikhailovich Prishvin's works]: abstract of diss. ... of candidate of philology: 10.01.01. Lankaran, 2000, 30 p. (In Russian)

10. Li G. The Geocultural image of Manchuria in M. Prishvin's "Ginseng". *Litera*. 2021a, iss. 4, pp. 135–144. (In Russian)
11. Li G. Intertextual connection between B. Akunin's novel "The Seasons" and M. Prishvin's "Ginseng". *Mir russkogovoryashchikh stran* [The World of Russian-Speaking Countries]. 2021b, no. 3 (9), pp. 82–90. (In Russian)
12. Maltseva Yu. V. The typology of wisdom in Eastern and Western Culture. *Analitika kulturologii* [Analytics of Cultural Studies]. 2004, iss. 2, pp. 36–40. (In Russian)
13. Nasr M. T. Images of Russian nature in the evolution of Mikhail Prishvin's artistic philosophy. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues of Philology and Pedagogical Linguistics]. 2020, iss. 3, pp. 172–181. (In Russian)
14. Prishvin M. M. *Sobraniye sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982-, vol. 4: Works of 1932–1944; 1983, 734 p.; vol. 8: Diaries of 1905–1954; 1986, 759 p. (In Russian)
15. Rylskiy G. M. Man in Eastern Philosophy. *Nauchnoye i tekhnicheskoye tvorchestvo molodezhi: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem: v 4 ch.* [Scientific and Technical Creativity of Youth: Proceedings of All-Russian scientific and practical conference with international participation: in 4 pts]. Ed. by A. V. Efimov, T. I. Monastyrskaya. Novosibirsk, SibGUTI Publ., 2023, pt. 4, pp. 79–83. (In Russian)
16. Trubitsina N. A. Mikhail Prishvin's cultural neomyth (based on the short novel "Ginseng"). *Filologos*. 2011, iss. 2(9), pp. 78–89. (In Russian)
17. Trubitsina N. A. M. M. Prishvin's heritage in the multicultural space of the country and region. *Razvitiye kreativnosti lichnosti v sovremennom multikulturnom prostranstve: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Development of Personal Creativity in Modern Multicultural Space: collection of materials from international scientific and practical conference]. Ed. by M. V. Klimova, V. A. Maltseva. Yelets, Yelets State Univ. named after I. A. Bunin Publ., 2019, pp. 416–419. (In Russian)
18. Khudenko E. A. M. Prishvin and A. Haydock: Dialogue about Manchuria, Man, and Truth ("Ginseng" and "The Stars of Manchuria"). *Kultura I tekst* [Culture and Text]. 2023, iss. 2 (53), pp. 6–17. (In Russian)

Информация об авторе

Санатов Кирилл Валерьевич — старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения.

Сфера научных интересов: русская литература XX века, ориенталистские образы и сюжеты в произведениях русских писателей 1920–1930-х годов.

Information about the author

Sanatov Kirill Valerievich — senior lecturer at the department of Russian Language and Literature, State University of Humanities and Technology; postgraduate student of the department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education.

Research interests: Russian literature of the 20th century, oriental images and plots in works of Russian writers from the 1920s and 1930s.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025; принята к публикации 10.11.2025.

The article was submitted 26.03.2025; accepted for publication 10.11.2025.